

Рыбаков С.Е.
К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ¹

РЫБАКОВ Сергей Евгеньевич — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: e-mail: s.rybakov@list.ru.

В центре статьи находятся этнос и этничность. Понятия «этнос» и «этничность» взаимно дополняют друг друга. Этнос — это естественным образом формирующаяся социальная общность, совокупность людей с общей этничностью. Этничность — существенная характеристика человека, связанная с процессом первичной социализации. Результативное исследование этничности возможно с учетом одновременного присутствия в ней примордиальных и конструируемых компонентов.

Ключевые слова: этнология, этнос, этничность, идентичность, народ, этнические признаки, примордиализм, конструктивизм.

Вопрос о природе и сущности этничности, этноса, нации по-прежнему остается одним из самых сложных и запутанных в социальных науках и социальной философии. Реальная картина континуума взаимно пересекающихся, переплетающихся и разноуровневых этничностей не позволяет четко отграничивать конкретные этносы, которые стройно выглядят в голове ученого и так расплывчаты и перепутаны в жизни. В книге с характерным названием «Реквием по этносу» В.А. Тишков призывает даже к тому, чтобы отказаться от научно скомпрометированного термина «этнос» и политически скомпрометированного термина «нация», а употреблять лишь нейтральное слово «народ» [11].

Впрочем, «проблема упирается не в саму историко-культурную реальность, каковой является народ, а в тот туманный эскиз, который они (ученые. — С.Р.) сотворили из этой реальности» [7, с. 22]. На обыденном уровне сознания никому ничего не нужно объяснять. Каждый хорошо понимает, что такое народ, и, не обладая этнографическими познаниями, тем не менее уверенно классифицирует себя и окружающих.

Понятие «этнос» («этническая общность») отражает объективное существование неких групп людей, которые объединены осознанием собственного единства и отличия от других таких же групп. Этнос — это одна из целого ряда дихотомий «свой–чужой». Главный вопрос в том, что именно в данном случае является основанием для разделения на «своих» и «чужих».

© Рыбаков С. Е., 2012

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ №11-03-00050а.

Странная загадочность и неуловимость этноса не в последнюю очередь обусловлены невозможностью однозначно приписать ему какую-либо социальную функцию, место и роль в обществе, цель этого объединения для его членов и т.п. Народы существуют на Земле ни для чего, просто так. Этот фундаментальный тезис хорошо сформулировал С.В. Чешко: «В числе материально и духовно обусловленных сфер деятельности и общения человека, которые делают его человеком, этничности нет» [13, с. 45].

При этом этнос является стихийно формирующейся и бесструктурной, подчеркнута аморфной общностью с размытыми границами и непостоянным — а точнее, постоянно меняющимся, членством в ней. Для создания и поддержания существования этноса не требуется специфической социальной организации — люди рождаются и умирают, покидают и пополняют этнос, а он продолжает жить. Если пользоваться известной терминологией Ф. Тённиса, то этнос — это классический пример *Gemeinschaft* в отличие от структурируемых и поддерживаемых *Gesellschaft*. Г.Г. Шпет в свое время считал народ «динамическим коллективом, не имеющим своей собственной организации, потому что он не имеет сколько-нибудь устойчивых членов и элементов; они находятся как бы в «текущем» состоянии, непрерывно сменяют друг друга, появляются и исчезают», соответственно, для описания такого рода общности лучше всего подходит понятие «коллективный тип» [14, с. 108, 110], т.е. просто сумма типологически схожих людей. Ю.В. Бромлей определял этнос не как общность, а как совокупность людей. По его мнению, этнос есть «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [4, с. 58].

Таким образом, этнос — это «сумма» людей, объединенных какой-то общей характеристикой. Но какой?

Множество отечественных и зарубежных этнологов пытались описать этническое через составление списка этнических признаков (маркеров). В список включали культуру, язык, религию, психологию, территорию, общность происхождения и т.д. Однако налицо принципиальная невозможность определения этноса через перечисление этнических признаков. Любой из признаков (культура, язык, психический склад и т.п.) — на самом деле самостоятельный феномен, несомненно, имеющий связи с этносом, но точно такие же связи имеющий и со множеством иных общностей. Тем же перечнем признаков можно адекватно описать, например, конфессию, а также иные типы социальных групп. Когда мы говорим об этнической культуре, этническом языке, этническом складе психики, этническом самосознании и самоназвании, то уже должны заранее знать, что они именно этнические.

Приходится признать, что красивые теоретические схемы рвутся при попытках натянуть их на конкретные народы. Культурные различия каждый раз берутся произвольно, без единого критерия, национальные характеры принципиально не поддаются социометрии, разные народы нередко говорят на одном и том же языке (например, сербы, хорваты и босняки), а отсутствие четких оснований для различения уровней языка и диалекта ставит вопрос о том, не говорят ли, например, немцы на разных языках (или же баварцы, швабы, франконцы и саксонцы — это отдельные этносы?).

Характерно, что марксист и примордиалист Ю.В. Бромлей в качестве главного критерия для фиксации конкретных этносов выдвинул субъективный признак — идентичность:

«осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним проявлением которого является общее самоназвание (этноним)» [4, с. 56]. В целом, несмотря на дань историческому материализму, в работах Ю.В. Бромлея этническое самосознание занимает, по сути, первостепенное место.

Указывают на тот интересный факт, что этнографы в своей работе обращаются к материалам переписей, где не сведущие в вопросах теории этноса обыватели дают ответы на вопрос об этнической принадлежности, в то время как даже сами этнографы не знают, что это такое [16].

И все же здесь нет парадокса. Еще в середине XIX столетия основатели этнической психологии М. Лацарус и Х. Штейнталь писали: «То, что делает народ именно этим народом, лежит существенно не в известных объективных отношениях, как происхождение, язык и т.д., как таковых, а исключительно в субъективном усмотрении членов народа, которые все вместе *смотрят на себя* как на один народ. Понятие “народ” покоится на субъективном мнении самих членов народа о самих себе, о своем сходстве и сопринадлежности. <...> Когда речь идет о растениях и животных, то естествоиспытатель распределяет их по видам на основании объективных признаков; о людях мы спрашиваем, к какому народу они себя причисляют. Расу и племя исследователь определяет и для человека объективно; народ определяет себе человек сам субъективно, он причисляет себя к нему... Народ есть некоторая совокупность людей, которые *смотрят на себя* как на один народ, причисляют себя к одному народу» [15].

Таким образом, принципиально неверен линнеевский подход, когда люди причисляются к этносам на основании неких объективных признаков. Набор критериев для этого отсутствует, ведь «определяющим признаком этой единицы выступает не столько культурное тождество составляющих ее индивидов, сколько сознание этого тождества» [17, р. 14].

Единственным достоверным этническим признаком является личная фиксация этнической принадлежности — индивидуальное этническое самосознание и принимаемое для себя этническое самоназвание (эндоэтноним).

Психологический факт отождествления с определенной этнической группой и соответствующий психологический комплекс в современной литературе принято обозначать как ethnicity (этничность). Понятия «этнос» и «этничность» взаимно дополняют друг друга и позволяют рассматривать этнос как совокупность, сумму людей с общими качественными параметрами этничности. Эту совокупность неверно рассматривать как социальный организм и вообще как систему связей или отношений, где клеточкой является не человек, а отношение. Клеточка этноса — это отдельный человек.

Итак, представители каждого этноса фиксируют свое качественное отличие от представителей всех иных этносов. Но является ли это отличие объективно существующим фактом или только субъективным конструктом? В этом состоит суть дискуссии между примордиалистами и конструктивистами.

Примордиалисты полагают, что этничность представляет собой изначальную, исходную, исконную и неизменяемую данность (primordial), которая принимается каждым человеком априори и является предсоциальной схемой, в существенной степени определяющей его социальную жизнь и деятельность. Такая данность порождает весьма интенсивные этнические чувства и ассоциируется с высшими ценностями.

Примордиализм, или, по-другому, эссенциализм, верно обращает внимание на прочность и глубину этнических параметров личности, однако представители этого направления так и не отвечают на вопрос о том, на чем же конкретно фундируется столь глубокая и эмоциональная привязанность.

Конструктивисты считают этничность конструктом, артефактом, который либо формируется самим индивидом с целью познания окружающего социального мира (из этнических ярлыков составляется карта для ориентации в этом мире), либо навязывается ему идеологами и политиками — изготовителями этничности (которые путем этнической мобилизации масс достигают собственных политических и экономических целей). Конструктивизм говорит об изменяемости и ситуативности, о свободном выборе этничности, а в варианте инструментализма — о ее меркантильной роли как политического и экономического инструмента.

Конструктивизм плодотворно разрабатывает тему мобилизации сознательного уровня этничности, его количественной изменяемости и некоторой качественной подвижности. Однако он не способен объяснить самоценность, атрибутивность, интенсивность, эмоциональность этничности, ее прочность, устойчивость и невозможность произвольной смены при существенных межэтнических различиях.

А самое главное — конструктивизм полностью игнорирует исторический подход. Конструктивисты вообще не упоминают о чем-то происходившем ранее двух столетий назад. По их мнению, парадигма этничности родилась в Европе XIX столетия в ходе националистических упражнений интеллигентов, рассказавших крестьянам, что они французы, норвежцы, поляки и чехи и т.д., а из Европы она распространилась вместе с колониализмом. Конструктивизм никак не объясняет этничность до Нового времени, а потому его представители, «кажется, намеренно уходят от исторической парадигмы развития человеческого общества, сосредоточивая свое внимание исключительно на теперешних результатах этого развития» [8, с. 7].

Конструктивизм продуктивен для исследования сознательного уровня этничности. Но «природа этнического феномена настолько сложна и разнообразна, что постижение ее в рамках одной методологической модели просто невозможно. Что касается отечественной теории этноса и западной концепции этничности, то при всей их видимой противоположности они должны иметь точки соприкосновения, так как имеют дело с одним и тем же социальным феноменом, проявляющимся через различные историко-культурные реалии» [8, с. 16]. Возможно, «нет необходимости спорить, какому из них отдать предпочтение... обстоятельный анализ требует интеграции всех этих подходов» [28, р. 8].

Если не учитывать тот серьезный факт, что в этничности присутствует глубокий статичный слой, то сущность этнического будет искажена. Эссенциалистский (примордиалистский) подход обращает внимание на тот непреложный факт, что, если даже у индивида есть какая-то свобода выбора этнической идентичности, она всегда ограничена. Человек заявляет о своей принадлежности, осознавая, что его выбор предопределен некими объективными обстоятельствами. Как справедливо утверждает Ю.В. Бромлей, «было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразного демиурга... как и любая форма сознания, оно — явление вторичное, производное от объективных факторов» [4, с. 196]. Индивиду вовсе не нужно знать перечень этнических признаков, ибо

этническая принадлежность у каждого социализировавшегося (и, соответственно, этнизировавшегося) человека всегда выступает априори.

При этом важно, что индивид строит свою этничность, не только отталкиваясь от неких объективных данных, но и опираясь на оценку своей этничности окружающими, что, разумеется, для конкретного субъекта является таким же объективным фактором. Соотнесение себя с этносом непременно коррелирует с тем, что думают об этом другие члены этого этноса, и корректируется тем, что они думают. Иначе говоря, этничность рождается также из «публичного выражения и последующего коллективного одобрения личностной идентичности» и является, таким образом, «социально ратифицированной личностной идентичностью» [20, р. 268, 309].

Итоговое количественное измерение этничности складывается из суммы трех факторов: наличия объективных предзаданностей, собственного самоотнесения к данному этносу и оценки правильности такого самоотнесения членами этого этноса. Иными словами, можно быть в той или иной степени не вполне *x*, поскольку: 1) некие собственные параметры не вполне соответствуют каким-то объективным критериям принадлежности к *x*; 2) не с полной определенностью ощущается собственная идентичность; 3) окружающие не ратифицируют членство индивида в *x* (ввиду несоответствия тем же загадочным объективным критериям принадлежности к *x*).

Но откуда же берутся эти критерии, в чем объективная основа для формирования этничности? «Все существующие теории неспособны выявить этническую "самость". Перед исследователями — явление, которое, безусловно, существует, но неизменно ускользает сквозь пальцы, несмотря на любые методологические ухищрения. Оно может проявляться повсюду, влиять на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время его нигде нет <...> явление этничности... отчасти находится вне досягаемости научного анализа... Этничность, вне всякого сомнения, имеет иррациональную природу, наука же, оперирующая сугубо рациональными методами познания (чем она отличается, например, от религии или искусства), ограничена в возможностях исследования иррационального... то явление, которое обозначается термином "этничность", едва ли можно, по крайней мере на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции» [13, с. 35, 40].

Видимо, загадочность и иррациональность этничности связаны с тем, что она всегда дается априори, но это не должно означать, что данное явление относится к сфере мистики (или, что было бы еще хуже, мистификаций!).

Еще раз вернемся к тому, что под этническим самосознанием мы не имеем права понимать абстрактную ученую схему. Именно обыденное понимание этого феномена миллионами, а отнюдь не туманно-научное видение его сотней-другой ученых-специалистов должно быть предметом научного изучения в рамках этнологии, социальной философии либо иной социальной науки, поскольку она является *социальной наукой*.

Этничность — это этническое самосознание обычных людей, составляющих тот или иной народ, независимо от того, что в этом самосознании подходит или не подходит исследователю в зависимости от соответствия либо несоответствия его научной позиции или идеологических требований. Профессиональные занятия этнологией и социальной философией явно наносят сознанию определенный ущерб, так что в результате ученый, подобно гоголевскому бурсаку, уже забывает, что такое грабли. Однако грабли умеют, ударив черенком по лбу, живо напоминать свое имя. В ходе межэтнических столкновений

представители противоборствующих сторон очень быстро, однозначно и объективно определяют, кто «свои», а кто «чужие». Так, в Руанде в 1994 г. никто не консультировался с этнографами о том, кто является тутси, а кто хуту: так что 1 млн тутси были перебиты всего за 100 дней самым чудовищным образом и абсолютно безошибочно.

Критерием отнесения себя к тому или иному этносу является личное происхождение. Этническая принадлежность определяется по родителям. Каждый человек расценивает это как своего рода карт-бланш. А уж после этого рассуждает об исторической судьбе, языковой близости, культурных особенностях, национальном характере, самосознании и т.д. Как подчеркивает ряд авторов, этническое приписывается и наследуется по рождению [23] — нравится это кому-то или не нравится, но это факт.

Первым и главным основанием для причисления себя к определенному этносу, ратификации этого причисления окружающими и нормального функционирования этничности является принадлежность собственных родителей, т.е. происхождение от членов данного этноса. Данный критерий проявляется и в том случае, когда одинаковая принадлежность обоих родителей позволяет человеку сделать однозначный вывод о собственной принадлежности, и тогда, когда различная их принадлежность ставит проблему выбора самоидентификации. Ю.В. Бромлей указывает на семью как на микроэтносоциальную единицу [3, с. 136].

Получается, что объективным фундаментом для субъективного формирования этничности является родство. Речь должна идти о родстве в обоих его качествах: а) кровное родство и б) свойство (родство через брак). Кровнородственно-свойственное взаимодействие осуществляется в рамках эндогамных общностей, каковой, без сомнения, является этнос.

Еще в 1969 г. вышла статья Ю.В. Бромлея «Этнос и эндогамия», в которой, несмотря на опасность в те времена подобных «игр на грани биологизаторства», впервые было четко заявлено, что из всех типов социальных общностей (за исключением конфессиональных общностей и каст) наибольшей степенью замкнутости круга брачных связей обладают этносы. Следовательно, мы можем рассматривать эндогамию как характерную для этноса особенность. А в силу эндогамии, создающей генетический барьер, этнос нередко в той или иной степени выполняет одну из функций биологической единицы [2].

Этничность выступает как «культурный феномен, может быть, даже культурный символ», но непременно связанный с «физиологической данностью» [25, р. 74, 75].

Этнос — это общность людей с идентичностью родственников, самосознание и социальное поведение которых покоится на фундаменте «своего, родного». Члены этноса считают себя родственниками, чувствуют себя родственниками и ведут себя как родственники, в чем и заключается феномен этничности — результат субъективного усвоения каждым членом этноса объективной примордиальной данности априори.

Поэтому «своя» этническая среда обеспечивает максимальную степень психологической комфортности для индивида, а этническая привязанность порой вызывает «отчаянное усилие, чтобы восстановить те условия жизни, при которых некогда удовлетворялись определенные потребности <...> попасть туда, где они могут считать себя дома и где, объединившись со своими, они смогут вновь обрести в некоторой степени то, что можно обозначить как чувство физической и эмоциональной безопасности» [21, р. 28].

Над популяционным единством надстраивается специфический социокультурный феномен, который проявляется в так называемых этнических признаках, на деле являющихся этническими оттенками отдельных социальных феноменов — культуры, языка и т.п.

Примордиальная этничность основывается на «интерпретации своего происхождения в контексте культуры» [19, р. 5]. Таким образом, этничность — это в конечном итоге свойство человека конвертировать широкие родственные связи в социокультурное единство.

Каков механизм генезиса и функционирования этничности? В конечном счете этничность — это явление социально-психологическое. На чем основана связь одной из разновидностей оппозиции «мы–они» с расширенным родством — популяционным единством?

Такое единство выступает в качестве объективного основания для этничности, поскольку оно обеспечивает существование сетки синхронных и диахронных связей, необходимой для функционирования прочной межпоколенной связи. Ведь каким-то образом работает механизм, благодаря которому этнос живет во времени как единое целое, — несмотря на текучесть его членов и смену поколений, с каждым новым поколением воспроизводится и развивается этничность, унаследованная от предков.

Возможно, стоит обратиться к одной эвристичной идее, которую в свое время выдвинул Л.Н. Гумилев (хотя в целом его работы по этнической теории следует признать, мягко говоря, малонаучными). Речь идет о сигнальной наследственности [5, с. 234] — канале передачи потомству невербальной информации, который тесно связан с популяционным единством. Это канал присущ всему животному миру (а в том числе и человеку как виду *Homo sapiens*) и отражает процесс обучения потомства на бессознательном уровне. В случае с человеком — это важнейшая составляющая процесса первичной социализации ребенка, основанной преимущественно на бессознательном впитывании основополагающих элементов поведения.

Л.Н. Гумилев представляет сущностные внутриэтнические связи в виде этнического поля, которое служит цементом для этноса, сохраняет его целостность. В это поле ребенок погружается сразу после рождения, с первого контакта с матерью — ведь только находясь внутри такого поля, он может сформироваться как член этноса [5, с. 305]. В какой-то степени с этими рассуждениями перекликается интересная концепция С.А. Арутюнова, согласно которой «в основе возникновения и самоподдержания этносов лежат сгустки коммуникационных, информационных связей. Они же, несомненно, лежат и в основе создания других общественных группировок — религиозных, профессиональных, политических, спортивных, любительских и т.д. Однако все такие группировки основываются на сгустках тематически выборочных инфосвязей, и только этнос базируется на лишенной всякой выборочности их всеобщей совокупности» [1, с. 7].

Итак, можно предположить, что диахронная внутриэтническая связь предполагает далеко не только передачу вербально представляемой этнокультурной традиции (впрочем, и она осуществляется в первую очередь в семье, а не в школе, институте или музее), но и межпоколенную передачу информации путем сигнальной наследственности, которая основывается на эндогамии внутри популяции. Родственно-популяционные связи внутри этноса выступают как необходимое условие для функционирования канала сигнальной наследственности, который существует во внутриэтнической среде, условно обозначаемой как этническое поле.

Признание важной роли сигнальной наследственности в межпоколенной передаче этнической информации выводит на проблему этнического бессознательного. Еще Г. Лебон считал, что ушедшие предки «управляют неизмеримой областью бессознательного — той невидимой областью, которая держит под своей властью все проявления ума и характера» [9, с. 20]. По мнению ряда современных авторов, «этническое "мы" и психологические механизмы, с ним связанные, являются в человеческом сознании наиболее древними (архаическими), напрямую связанными со сферой бессознательного, крайне прочными и устойчивыми» [12, с. 232]. Этнопсихологи фиксируют «существование этнического бессознательного как подавленного или вытесненного большинством людей данной группы материала, который каждое поколение в какой-то мере разделяет со следующим... вне зависимости от подходов к построению концепции этничности нельзя не учитывать эту ее важнейшую сторону» [10, с. 45].

Таким образом, существуют два уровня, два слоя этничности — сознательный и бессознательный. Идентичность — это сознательный феномен, однако он существует в связи с бессознательными (подсознательными) структурами и вкупе с ними порождает сложный бессознательно-сознательный феномен этничности. Это связано с двумя стадиями процесса социализации индивида — первичной и вторичной.

Именно на верхний, сознательный, идеологический уровень распространяется деятельность политических и идеологических конструкторов — «интеллектуалов, выступающих в качестве лидеров, идеологов, организаторов этнической мобилизации. <...> Первые стереотипы человек познает от ближайшего окружения, приобретая представления о «родной общности», этнически окрашенный менталитет. Лишь затем в процессе вторичной социализации усваиваются новые взгляды, ценности и установки уже через систему образования и средства массовой информации. <...> Роль интеллектуалов проявляется именно в формировании идей, взглядов и настроений группы прежде всего на идеологическом уровне. Их возможности манипулирования общественным сознанием, конструирования этничности в том или другом направлении проявляются в процессе так называемой вторичной социализации. Она велика, но не беспредельна. Так что этничность — это и ментальность, воспринятая от образа действий отца, манер поведения матери и бабушкиных сказок, и конструкция групповой солидарности, полученная в школе и по каналам средств массовой информации, заданная интеллектуалами. Базовая ментальность может быть в разной степени осознаваемой или даже неосознаваемой эмотивной структурой, в то время как осознаваемая этническая солидарность, как правило, связана с разными видами этнической мобилизации» [6, с. 71–72].

Бессознательные компоненты этнического и основанные на них символы, стереотипы и т.д. служат фундаментом, базисом и могут быть обозначены как первичные по отношению к вторичным — сознательным, выступающим уже в качестве надстройки. В частности, важную роль в контексте проблемы этнического бессознательного играют этнические стереотипы (авто- и гетеро-), которые У. Липпман в свое время метко назвал картинками в голове [22]. Это груз прошедших столетий, родовая память, которая помнит в том числе все прошлые обиды и кровавые события.

Вместе с тем этничность, хотя и основана на бессознательном, реализуется всегда осознанно. Бессознательный комплекс этничности вообще может хоть как-то проявиться лишь при наличии этнического самосознания. Уже на уровне сознания постоянно происходит тот

необходимый процесс, о котором Т. Шибутани и К. Кван пишут, что члены этнической группы «постигают себя как некий вид» [27, р. 40]. В отношении этнической мобилизации этнопсихологии справедливо подчеркивают: «Воздействие национальной риторики только тогда и будет эффективным, если ее опорные темы выступают не в роли семян, а в качестве катализаторов уже готовых к активизации процессов, происходящих в глубинах массового сознания и коллективного бессознательного. <...> Социальное заражение просто так не происходит. Это все-таки не вирус гриппа» [10, с. 43, 45].

Постоянство этнического качества личности обеспечивается бессознательными структурами, а количественное изменение уровня этничности происходит благодаря подвижности сознательного компонента. Чем выше уровень этнического сознания, чем активнее самосознание будит бессознательное, тем выше итоговый количественный показатель этничности. Процесс конструирования этничности — не вполне конструирование, а скорее пробуждение и наращивание ее за счет сознательного компонента альянсом идеологов и политиков, преследующих собственные цели. Этничность конструируема и ситуативна только в определенном смысле, до определенного предела — лишь постольку, поскольку она сознательна.

Когда утверждают, что «у фламандца, живущего в Брюсселе и вынужденного говорить по-французски, больше шансов стать более "сознательным" фламандцем, чем у его этнических братьев и сестер, живущих где-нибудь в изолированных сельских районах Западной Фландрии или Лимбурге» [26, р. 12], это верно именно в смысле «сознательным» или даже «политически сознательным». «Есть этничность и этничность... здравый смысл подсказывает, что этничность некой общности, проявляющаяся в форме танцевального представления или обряда, в которых участвуют несколько ее членов, отличается от этничности, представленной, скажем, католиками в Северной Ирландии» [18, р. 14].

Несомненно, столичный фламандец, ежедневно общающийся с оппонентами-валлонами, будет на уровне сознания гораздо острее воспринимать свою субъективную этничность, нежели простой деревенский житель. Однако у последнего будет на порядок выше этничность объективная, определяющая всю его повседневную жизнь по своей сути, а не по внешней стороне — пусть ему, может быть, так никогда и не придется увлеченно рассказывать о том, какой он правильный фламандец. А этничность и заключается в первую очередь не в громких речах на сценах политических театров, а в повседневном поведении, когда обычный человек следует вековым обычаям, традициям, нормам — тому, что с легкой руки Э. Геллнера иронично называется «картофельным принципом» — и ни о чем таком при этом не задумывается, потому что он просто «так живет».

Существует емкий тезис, характеризующий этнический феномен как «постель, кровь и культ» [24]. Этнос — это социальная общность, строящаяся на социокультурной интерпретации популяционного единства.

Литература

- 1 Арутюнов С. А. Этничность — объективная реальность : (отклик на ст. С. В. Чешко) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
- 2 Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6.
- 3 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

- 4 Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- 5 Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
- 6 Дробижева Л. М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф., 1993 г. М., 1994.
- 7 Заринов И. Ю. Исторические рамки феномена этничности : (по поводу ст. С. В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.
- 8 Заринов И. Ю. Время искать общий язык : (проблемы интеграции различ. этнич. теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
- 9 Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
- 10 Солдатова Г. У. Обсуждение доклада В. А.Тишкова «О феномене этничности» // Этнографическое обозрение. 1998. № 1.
- 11 Тишков В. А. Реквием по этносу : исследования по соц.-культур. антропологии. М., 2003.
- 12 Торукало В. П. Нация : история и современность. М., 1996.
- 13 Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.
- 14 Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб., 1996.
- 15 Штейнталь Х., Лацарус М. Мысли о народной психологии. Филологические записки–1. Воронеж, 1864.
- 16 Элез А. Й. Критика этнологии. М., 2001.
- 17 Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries : the social organization of culture difference / ed by F. Barth. Bergen–London, 1969.
- 18 Cohen A. Introduction : the lesson of ethnicity // Urban ethnicity / ed. by A. Cohen. London, 1974.
- 19 Ethnic change / ed. by Keyes Ch. Settle, 1981.
- 20 Geertz C. The interpretation of culture : selected essays. New York, 1973.
- 21 Isaacs H.R. Basic group identity: the idols of the tribe // Ethnicity : theory and experience / ed. by N. Glaser, D. P. Moynichan. Cambridge, 1975.
- 22 Lippman W. Public opinion. New York, 1922.
- 23 Moynichan D.P. Pandemonium : ethnicity in international politics. New York, 1993.
- 24 Nash M. The cauldron of ethnicity in the modern world. Chicago, 1988.
- 25 Parsons T. Some theoretical considerations on the nature and trends of change ethnicity // Ethnicity : theory and experience / ed. by N. Glaser, D. P. Moynichan. Cambridge, 1975.
- 26 Roosens E.E. Creating ethnicity. London, 1989.
- 27 Shibutani T., Kwan K.M. Ethnic stratification : a comparative approach. New York, 1965.
- 28 Young C. Comparative reflections on ethnic conflict // UNRISD. Workshop on ethnic conflict and development. Dubrovnik, 1991.